

На следующее утро, позавтракав и переодевшись в новые нарядные одежды, они оба были готовы отправиться в дом семьи Юй.

Цин Янь твердо решил: по пути он притворится, что болезнь вернулась. Даже если придется прикинуться безумцем, он намерен во что бы то ни стало остаться на дороге и не возвращаться в дом Юй.

Цю Хэнянь тщательно закрепил все подарки на тележке, перевязав их крепкой веревкой. На дно он постелил мягкую подстилку и накрыл вещи теплым одеялом, после чего велел Цин Яню, его хрупкому и слабому супругу, сесть сверху и укрыться.

Цин Янь сперва категорически отказывался садиться. Он был взрослым мужчиной, весил немало, и тележка была уже нагружена подарками. Но Цю Хэнянь настоял. К тому же, раз Цин Янь собирался притворяться больным на полпути, он решил уступить, чтобы тот не устал раньше времени.

Но не успели они даже выйти за ворота, как раздался громкий стук в дверь. Цю Хэнянь поставил тележку и пошел открывать. Цин Янь тоже слез с тележки и застыл рядом.

Цю Хэнянь был высоким мужчиной, и Цин Янь не смог разглядеть гостя. Однако он услышал, как двое заговорили. Голос принадлежал мужчине средних лет, который представился знакомым из городка, приехавшим навестить родственников. Он добавил, что семья Юй попросила его передать сообщение.

Его голос был громким, а слова — быстрыми, и он быстро изложил суть. По его словам, глава семьи Юй передал, что сегодня возвращаться домой не нужно. Младший сын Юй, Юй Циньси, готовится к уездному экзамену, дома много дел, и времени на прием гостей нет. Возвращение можно отложить до более удобного случая.

Юй Циньси был сводным братом Цин Яня, рожденным от общего отца. В отличие от Цин Яня, который был гером, Циньси - плоть и кровь от сердца Юй Фэнтана, считался надеждой семьи, ее будущей славой и гордостью.

Это была далеко не первая попытка Юй Циньси сдать уездный экзамен, но даже его неудачи отец воспринимал мягко, лишь вздыхая и подбадривая сына продолжать учебу и стараться в следующий раз.

Глава семьи, Юй Фэнтан, когда-то сам сдал вступительный экзамен в уездной академии и получил статус туншэна*, но так и не смог продвинуться дальше. Этот провал стал его пожизненным сожалением.

(ПП: Туншэн — титул в древнекитайской системе образования, то есть человек, принимавший участие в императорском экзамене, но еще не достигший статуса сюэя)

Цин Яня, напротив, никогда толком не обучали. Лишь изредка, когда отец был в хорошем настроении, он получал кое-какие уроки. Однако, благодаря врожденным способностям и упорному труду, он с первого раза сдал как уездный, так и окружной экзамены. Эти успехи, вместо гордости, вызывали у Юй Фэнтана смешанные чувства: ни радости, ни признания они ему не принесли.

Мачеха у Цин Яна была злобной и завистливой женщиной. Она неоднократно нашептывала Юй Фэнтану в постели:

— Даже если этот гер сдаст экзамены и станет чиновником, что с того? Ему никогда не доверят серьезные дела. Люди будут только смеяться над нашей семьей, мол, позволили геру выставлять себя напоказ. Да и к тому же он уже взрослый, не ребенок, а сидит дома, ест за наш счет, постоянно покупает книги и чернила. Наша семья не может содержать сразу двух студентов!

Юй Фэнтан, у которого и так были свои эгоистичные мысли, после таких речей согласился выдать старшего сына замуж.

Он не хотел вникать в домашние дела, оставляя все на заботы женщины. Хотя он был недоволен выбранным женихом, но так как жена получила немалую сумму от того кузнеца, он все же уступил.

Вместе с женой они обманули старшего сына: напоили его снадобьем перед тем, как он должен был отправиться на экзамен в академию, и в полубессознательном состоянии посадили в паланкин.

Когда паланкин уносили, старик Юй еще стоял позади, вздыхая, и кричал сыну внутри:

— Я делаю все это ради блага нашей семьи! Когда-нибудь ты поймешь, как сложно быть отцом!

Эти слова прежний хозяин тела услышал совершенно ясно. На полпути он прокусил язык и покончил с собой.

Теперь, когда Юй Фэнтан прислал сообщение, чтобы они не возвращались домой, Цин Янь подумал, что этот старый негодяй, вероятно, испытывает угрызения совести, да и, скорее всего, не признает Цю Хэняня в качестве зятя. Однако в душе у Цин Яня не было особой злости или обиды. Ведь это отец прежнего владельца тела, а не его. И раз так, то и возвращаться домой не нужно, и не придется притворяться больным, что избавит от множества хлопот.

После этого случая Цин Янь подумал, что если в будущем полностью порвет отношения с семьей Юй, это будет вполне оправданно.

Человек, передавший сообщение, ушел. Цю Хэнянь закрыл ворота и подошел к Цин Яню.

Цин Янь опустил голову. Этот инцидент, по сути, был ударом по репутации Цю Хэняня, и он чувствовал некоторую вину и беспокойство. Его руки нервно теребили подол.

Теплая большая рука протянулась и нежно обхватила его запястье. Голос Цю Хэняня был низким и спокойным:

— На улице холодно, пойдём в дом.

Вернувшись в дом, Цю Хэнянь велел Цин Яню лечь и отдохнуть. Сам он вышел и спустя некоторое время вернулся с кухни, неся в руках большую чашку с чем-то горячим.

Цин Янь поднялся с кровати, чтобы посмотреть, и увидел в чашке пять или шесть белоснежных, пухлых танъюань.

Цю Хэнянь поставил чашку на стол, положил в нее фарфоровую ложку и сказал:

— На восточной окраине деревни у старика Чэня его супруг каждый год готовит танъюань. Я сходил и взял для тебя несколько, попробуй.

Танъюань традиционно едят на Праздник Фонарей, который приходится на 15-й день первого месяца лунного календаря. Цин Янь удивился: почему вдруг сейчас решили их готовить? Однако он действительно не наелся с утра из-за беспокойства, так что сел за стол и начал есть.

Он предложил Цю Хэняню попробовать, но тот лишь покачал головой, давая понять, что это только для Цин Яня.

Танъюань были мягкими и липкими, с начинкой из пяти видов орехов. Они оказались удивительно ароматными и сладкими, и Цин Янь ел их с большим удовольствием.

Когда он доел последнюю танъюань и выпил оставшийся горячий бульон, Цю Хэнянь забрал пустую чашку, чтобы вымыть ее. Глядя на его широкую спину, Цин Янь внезапно понял, что это была его молчаливая попытка утешить.

Когда Цин Яня привезли в дом Цю Хэняня, это была скромная церемония: сломанный паланкин, никаких музыкантов, никаких традиционных обрядов. У него не было приданого, даже одежда, что была на нем, была единственной. А теперь и вовсе семья отказалась принимать их с визитом, что ясно показывало, насколько Цин Янь был не важен для своих родных. Даже если бы Цю Хэнянь был человеком медлительным и не слишком проницательным, он наверняка догадался бы, что его супругом пренебрегали и даже притесняли в его семье.

Но Цю Хэнянь не был медлительным. Он был внимателен, тонко чувствовал окружающих и всегда старался никого не обидеть.

Отказ в визите был скорее унижением для Цю Хэняня, чем для самого Цин Яня. Крики громкого гонца, несомненно, слышали все соседи, и это наверняка стало темой для пересудов. Однако Цю Хэнянь не выказывал ни гнева, ни обиды. Он проявил лишь заботу о чувствах своего супруга. Вместо того чтобы поднимать тему и обсуждать ее, он просто тихо выразил свое сочувствие и поддержку через действия.

Цин Янь задумался: пусть в той жизни его юность была бедной, зрелость — одинокой, и он пережил обман и предательство, но все же судьба подарила ему такого человека. И это, без сомнения, было ее великодушным даром.

Вечером перед сном Цю Хэнянь снова читал книгу вслух для Цин Яня.

На этот раз Цин Янь не заснул быстро. Вместо этого он при свете свечи вместе с Цю Хэнянем рассматривал и изучал письменные знаки, стараясь запомнить их написание.

Когда Цю Хэнянь заметил, что Цин Янь тоже читает, он подвинул книгу ближе к нему. Они сидели рядом, опираясь на изголовье кровати, и читали вдвоем. Эта картина напоминала старую супружескую пару, живущую в гармонии и любви, как два лебедя на покрывале.

На следующее утро, после завтрака, Цю Хэнянь достал из ящика под кроватью тканевый мешочек и показал его Цин Яню. Внутри оказалось около 15-16 лян серебра в мелких слитках, а также две связки медных монет — на вид около сотни штук.

— Это все наши сбережения, — сказал Цю Хэнянь, — Отныне они будут в твоих руках. — он немного помедлил и добавил, — Денег немного, но скоро Новый год. Многие семьи будут покупать железные изделия, так что к празднику удастся еще немного подзаработать.

Цин Янь кивнул, взял мешочек, завязал его и аккуратно убрал обратно в глубину ящика. Затем он с улыбкой сказал:

— Я обязательно все хорошо организую.

С этими словами он приблизился, игнорируя попытку мужчины отстраниться, и, глядя ему прямо в глаза, мягко и ласково произнес:

— Муж, ты так усердно заботишься о семье.

Его взгляд был полон тепла и восхищения. Он смотрел так, словно лицо Цю Хэняня было безупречным, а его шрамы совершенно не существовали. В этом взгляде не было ни страха, ни отвращения.

Цю Хэнянь внезапно отвел взгляд в сторону и пробормотал:

— Сегодня мне нужно в мастерскую. Эти два дня там были только ученики.

Цин Янь с пониманием кивнул, его лицо озарилось выражением прозрения. Он отступил на пару шагов и протянул руку, чтобы поправить одежду мужчины.

— Наверняка накопилось много работы, — заметил он. — Тогда я провожу тебя до дверей.

Когда Цю Хэнянь ушел, Цин Янь вернулся в дом и рухнул на кровать, глубоко вздохнув.

Внешне он выглядел уверенным и бесстрашным, но на самом деле его сердце билось, как сумасшедший барабан, сбивая ритм и путая все мысли.

На самом деле он собирался поцеловать Цю Хэняня. Изначально его цель были губы, но потом он решил, что щека тоже подойдет. А в конце концов... он струсил.

С одной стороны, характер Цю Хэняня был немного холодноватым, и они слишком мало времени провели вместе. Цин Яню казалось, что с ним нельзя вести себя слишком свободно. С другой стороны, если бы он все-таки осмелился поцеловать, это еще полбеды. Но что делать потом? Если Цю Хэнянь решит пойти дальше? Ведь он сам начал, и если потом откажется, это будет выглядеть крайне нелогично.

А если не откажется... Это же больно! Даже сейчас, спустя время, Цин Янь все еще чувствовал, что у него там сзади слегка побаливает, будто не до конца зажило.

Он лег на кровать и накрылся одеялом, в голове начали мелькать всякие нескромные мысли.

— Хотя он и не такой уж крупный, но плечи такие широкие, а руки такие сильные. Как он тогда меня не раздавил?

— Но талия у него такая тонкая, такая упругая... Говорят, у мужчин с хорошей талией отличная выносливость. Боже мой, не удивительно, что я едва не умер тогда!

— Он ведь с таким трудом нашел себе жену. А он такой хороший. Может, мне просто взять себя в руки, зажмуриться и потерпеть еще раз?

Цин Янь потрогал себя сзади.

— Нет, нет, это невозможно. Это ужасно больно, я не смогу!

— А-а-а-а! — он вскрикнул и перевернулся, резко поднявшись с кровати. Его замучили сомнения. — Ладно, все, нужно подготовиться морально. Потом разберемся.

Он сполз с кровати, надел обувь и утепленную куртку, решив сходить к тете Ли, чтобы помочь с уборкой двора. Но, сделав несколько шагов, вдруг застыл на месте.

— А что, если он сам проявит инициативу? Все-таки он в самом расцвете сил, а я такой красивый!

Он начал ходить взад-вперед по комнате, обдумывая все варианты. Наконец, глубоко вздохнул, стиснул зубы и решительно сказал:

— Если он правда захочет, я просто отдамся. Пусть будет, что будет!

*Таньюань □□

<http://bllate.org/book/13590/1205167>